

Бейлин, Вильгельм 1936.

Глубокоуважаемый

Профессор Николай Конечаншинов,

После получения Вашего письма от
23 июля я принял соответствующие меры
к тому, чтобы выполнить Ваше
поручение по делу с г. Седербома.
Мне ни сего, ни сего отсюда и не ясно.
Знаешь, первоначально обратился к
тому, через кого либо из знакомых.
Но знакомых в Туи-хаген у меня
нет. Я обратился к одному знакомому,
живущему в том районе. Принимал
отвечать, из которого и узнал, что и
этот мой знакомый выехал за-границу.
Я искал среди друзей своих
друзей, живущих там Седербома.
Но никого не мог найти, что ты с
мне ясно.

Таким образом оказалось, что
я никак не поручению Вашему сейчас
не мог, несмотря на то, что к тому
моу еще столько времени после
получения Вашего письма. Я очень
сожалел, что не могу выполнить.

Отличным Вашим старшей коллегой
с большой благодарностью.

Очень рад был узнать, что вы
в добром здравии и много работаете,
полны душевными сил.

Алена и я здоровы. Делам угаз
и расшут.

Моя работа продолжается по-преж-
нему. Летом был занят выпиской
звух книг. Одна из них — составленный
много крест русской грамматике
для наших учащихся. Избрал —
сборник архивных материалов
на русском языке, найденных в
русском дворце за период времени —

приблизительно — 1650-1750 гг.

Это "мечты", адресованные русским
правительством и сибирским властям
китайскому правительству. Если

Царь интересуется — разрешите по выводу
Вам послать.

Алена и я очень сердечный привет
Вам и Георгию Николаевичу. Милости Вам
всего всего намреши.

Непрерывно передаю Вам Любви и уважения.